

Ирина Сойфер

ПЕРЦОВКА

Ирина Сойфер Перцовка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42130628

ISBN 9785449655226

Аннотация

После тяжёлого расставания с мужем Анна пытается вернуться к нормальной жизни. Её мучают воспоминания, отношения с другими людьми не складываются. На работе Анну тоже перестали ценить, поскольку она всё дальше и дальше уходит в мир воспоминаний. Однако ей удаётся выбраться из такого состояния, доверившись случаю.

Содержание

1	5
2	10
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Перцовка

Ирина Сойфер

© Ирина Сойфер, 2019

ISBN 978-5-4496-5522-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сколько раз не пытаешься начать всё заново, почти никогда не получается. Понимаешь, что прожитое – это уже не ты, это лишь замерший экспонат, выставленное на музейный стенд ископаемое времен палеолита, и оно к тебе настоящему не ближе, чем позвонок динозавра.

Пытаешься смотреть на этот экспонат через стекло, но вдруг – один звук, один взгляд из прошлого – и стекло рассыпается прямо перед тобой. Осколки ручьём льются на протянутые руки, а позвонок обрастает мясом и кожей. И динозавр выходит из музейного зала, неловко протискивается в узкие двери закрытой памяти, капает слюной на полированный пол, оставляя пятна, которые ты уже не сотрёшь. Какие уж там пятна, если ты не смог удержать динозавра своего прошлого, если позволил ему выйти, разрушив стены твоей музейной жизни.

А потом, дома, ты то и дело слышишь в новостях, что динозавр разрушил мечты, сломал планы, испортил отношения с близкими. «Да как же ему это удалось? Ведь я надёжно похоронил его в музее своей памяти?» – Думаешь ты, а динозавр, вскормленный твоими прошлыми неудачами, ищет свежую пищу.

«Нет, я больше не позволю никаким динозаврам портить мою жизнь!». Но что делать с ними, с воспоминаниями, ожи-

вающими прямо посреди музея?

Приковать цепями? Нет, таких цепей ты не найдёшь. Замуровать их в музее? Заложить дверь кирпичами?

У некоторых вместо огромных динозавров с острыми зубами позади только мутное пятно. Дыра, в которую улетают все воспоминания, и хорошие, и плохие. Счастливчики, как вы это делаете?

Однажды, в июле или августе прошлого года я встретила своего давнего знакомого. Жарко было уже с раннего утра. Я шла по пыльной знойной улице, разглядывая спешащих прохожих с суровыми лицами, сигналившие автомобили, блестящие как разноцветные леденцы.

Остановившись в тени дерева, чтобы минуту отдохнуть от солнца, греющего макушку, я даже не увидела, а угадала в одном из прохожих давно забытого приятеля Лёху. Его неуверенную походку невозможно было спутать ни с чьей другой. Лёха взглянул на меня мельком, отвернулся, а потом снова внимательно посмотрел, видимо, тоже угадав во мне что-то знакомое.

Мы одновременно рванули друг другу навстречу. Лёха неуверенно улыбался, как будто боялся, что всё-таки ошибся, и я – это не я, а какая-то чужая незнакомая женщина. Но я знала, что даже если мы виделись бы каждый день, Лёха всё равно был бы так же неуверен и робок при встрече.

Я затащила Лёху в свою тень и принялась расспрашивать. Где, что, как и куда пропал. Лёха рассказал, что несколько

лет жил в другом городе, а вот сейчас вернулся и ищет работу здесь.

– Я вот как раз на работу устраиваться и ходил. – Сказал Лёха.

– И что, успешно?

– В общем-то, да. – Лёха замялся. – Поговорили нормально. Но вот потом дали анкету, говорят, заполняй. А там – биографию надо написать. Прямо настоящую такую биографию.

Я удивилась. Что может быть проще, чем написать свою биографию? Но Лёха продолжал:

– С датой рождения я ещё справился. Это-то я помню. Где учился – тоже. Но вот что ещё писать?

– Лёха, так жизнь свою описывать, с рабоче-профессиональным уклоном. Где жил, где работал, что делал, к каким успехам пришёл.

Лёха вздохнул. Очевидно, что это было для него сложным.

– Да как-то не получается. Вроде жизнь прожил, а написать нечего.

– Как это нечего? – Возмутилась я. – Даже сейчас, навскидку, я могу тебе рассказать о твоей жизни. А ты сам не можешь?

– Не могу. – Снова вздохнул Лёха. – Оглядываешься назад, думаешь, а что там было? А там ничего. Пустота. Что-то всё равно было, наверное. Бегал, суетился – значит, надо было. А что мне надо было, я не знаю. Всё само собой слу-

чилось, не вспомнишь.

Я покачала головой. Я точно знала, что хотела и к чему стремилась. В музее до сих пор лежат обломки этих желаний, под толстым прочным стеклом, чтобы не дай Боже лишний раз не тронуть. Обызвестковавшиеся скелеты планов и надежд, заботливо охраняемые смотрителем. Автографы важных мне, но ушедших людей. Костюмы эпохи беззаботной молодости. Мой музей всегда со мной, и иногда я смотрю на пробегающих мимо динозавров и думаю, какие отличные экспонаты получились бы для моего музея. Охочусь за ними, ставлю цель и расставляю силки. Бах! – один выстрел, получилось! Бах! – второй, мимо! Зато осталась пустая гильза, её мы тоже заботливо упакуем и сложим в сейф. «Неудачная охота, 15 марта».

Лёха, где твои динозавры? Где амфора, в которой ты хранил свои мечты? Расколотые черепки с едва различимой надписью?

Расставшись с Лёхой, я никак не могла забыть этот разговор. Бедный Лёха, что он сейчас будет делать? Ему нечего даже вспомнить, как же жить дальше?

И сама себе ответила – а ничего не будет делать. Пойдёт искать другую работу, где не будут требовать биографию. А потом забудет и её, пока я тащу за собой свой музей.

Минутная, острая тоска – как будто солнце стало ярче в миллион раз. Слепило, остановило – да как же так? Кто будет смахивать пыль с экспонатов, протирать стёкла, если

мне они будут не нужны?

Я могу просто развязать верёвку, привязанную к моим ногам, и динозавры, и амфоры останутся тут, на тротуаре. Кости рассыплются жирным липким порошком, амфоры – сухим песком, а листы с автографами почернеют и скукожатся.

А карнавальный костюм времён Зарождения Взрослой Жизни? Неужели я больше никогда не смогу его примерить?

Нет, рано ещё поднимать якорь.

2

Он мне и говорит:

– Закрой рот.

Точнее, не совсем так сказал, но смысл был примерно тот же. «Не самая удачная презентация, лучше вам ещё подучиться и послушать других» – где в этих словах хоть намёк на уважение?

Что ж, придётся сидеть и слушать.

Я написала Лёхе сообщение – «Ну что, нашёл работу?». Лёха не отвечал крайне долго, минуту или две. Я даже начала прислушиваться к чужим презентациям, как мне и посоветовали. Но нового ничего не узнала за эту минуту.

Лёха работу не нашёл. Начинал бодро, с размахом, но на вопросе о профессиональных достижениях тушевался, и его отбраковывали.

– Скоро и мне придётся искать.

– Ммм?

– Не ценят меня тут, Лёха, ой, не ценят. На собрании при всех велели заткнуться.

Лёха ничего не ответил.

Я попыталась вникнуть в суть доклада, который делал мой коллега, но не смогла – основное я пропустила за перепиской с Лёхой. Уж я-то рассказывала бы повеселее, чтобы слушатели не отвлекались на Лёх и Наташ в телефонах. Ну честное

слово, нельзя же так уныло бубнить!

Вывернуться наизнанку, чтобы понравиться другим. И самое страшное, что не кому-то конкретному, а глобально, всем, каждому, в общем. Вот ещё один скелет в моём музее. Я думала, он надёжно упрятан под стекло, но нет – видны трещины. Не ровён час, проклюнется, стуча тупой мордой, раскалывая стекло.

Не слушают? Не беда! Сейчас пошутим, уместно или нет – не мне решать. Сделаем глупость, намеренно допустим ошибку, чтобы оживить слушателя. Вот так сделала бы я на месте моего коллеги с нудным рассказом.

Скелет зашевелился. На фалангах появились полупрозрачные белые когти.

А ещё лучше обратиться к каждому по имени. Адресовать часть своего доклада кому-то одному.

На лапах скелета появилась чешуйчатая кожа, скелет заскрёб когтями по стеклу. «Помнишь, как было в тот раз?».

Конечно, помню. Я изворачивалась ужом, лишь бы не прогнали, не усомнились в моём опыте. Закончилось всё как раз наоборот – усомнились и прогнали. Этот скелет и лежит сейчас под стеклом и скребет ожившими лапами по гранатовому бархату.

Маленький скелет, не динозавр даже, а крыса. Но сколько их, таких крыс в моём музее. И каждая норовит напомнить о себе, ожить в самый неподходящий момент.

Каково Лёхе без таких крыс? Он не смахивает пыль с экс-

понатов бессонными ночами, не краснеет внезапно, вспомнив свою неудачу.

А в минуты сомнений в себе не оглядывает широкие залы музея и не убеждается, что да, жизнь – полнейшее дерьмо, и состоит она из скелетов, осколков, обрывков, огрызков. Где яркий солнечный свет? Где свежий ветер?

В музее тишина. Окна открывать нельзя – экспонаты не любят. Посетителей тоже пускать следует дозированно – пожаловаться, поныть о прошлых неудачах. Желательно, незнакомым. Случайный сосед в зале ожидания, бывший коллега по работе, которого не видел сто лет и ещё столько же не видел бы. Вот им можно ненадолго зайти в твой музей. Но стоп! Только в один зал. Покажи им вот эту страничку из дневника, а когда они заметят, что выпачкана она не романтичными слезами, а обычными человеческими соплями, которые ты пускала, переживая уход бывшего, сразу выдворяй их вон. Да они и сами не захотят идти дальше. Вежливо покивают и откланяются, а иногда расскажут историю «Уменьятожесамоебыло». Но дальше не пойдут.

Лёха, безусловно, потерял прекрасную возможность наладить контакт с попутчиком в поезде. О чём он будет рассказывать, когда речь зайдёт про гулящую жену или деспота-начальника? Он не распахнёт заботливо двери своего музея – входи, дорогой попутчик, ознакомься.

Позади у него мутная пустота. Некуда пригласить этого странного человека в спортивном костюме, с которым он ко-

ротаает вечер в вагоне поезда «Новороссийск – Мурманск».

А о том, что он может попасть в больницу, Лёха и вовсе не подумал. Представить страшно, что будет. Лёха, у тебя острый гломерулонефрит. Ты проведёшь в стационаре много дней. Что ты будешь делать? Разгадывать кроссворды или смотреть фильмы? Ну да, неплохо, только потом тебе это надоест. Тогда надо будет разговаривать с соседями по палате. И что ты расскажешь им? Про своё мутное пятно вместо воспоминаний?

Это очень важно – понравиться попутчику в поезде и соседям по палате. Да не скребись ты, чёрт, помню я, помню. Выгнали меня с позором.

Когда рабочий день закончился, я позвонила Лёхе. Он ответил удивлённо. Я не менее удивлённо спросила, почему он не отвечает на мои сообщения.

– Некогда. – Коротко и робко сказал Лёха.

– На собеседовании?

– Нет, работаю уже.

Ну надо же! Лёха преодолел сверхзвуковой барьер. Перелетел сквозь мутную пелену чёрной дыры – и сразу к успеху.

– Позвони мне, когда сможешь. – Сказала я.

– Хорошо. – Кротко ответил Лёха и попрощался.

Мне было немного неловко. Я поучала Лёху с умным видом, давала советы, а вот теперь он на коне, а я валяюсь внизу, поверженная неудачной презентацией и недовольством начальника.

И с чего я раньше думала, что Лёха нескладный и застенчивый? Сейчас его робость показалось милой и полной достоинства. Лишнего не болтает, а дело делает. Да и вообще — он отлично выглядел при встрече. Сразу видно, незаурядный человек...

3

Я с тоской подумала о том, что этот длинный день мне совершенно нечем занять. Выступление с провальной презентацией было единственным запланированным делом на сегодня. А Лёха-то сейчас в новом и, безусловно, доброжелательном коллективе. К такому человеку, как он, невозможно не быть доброжелательным.

От полуденной жары я совсем ослабела. Пришлось сесть за стол первого попавшегося кафе на открытом воздухе. Ко мне подошёл официант с лицом, лоснившимся от жары. И когда он спросил, что бы я хотела, я еле сдержалась, чтобы не посоветовать ему умыться.

Но всё-таки я сдержалась, и заказала коктейль из мороженого и кофе.

Мальчик-официант ухмыльнулся:

– Кофе? В такую жару?

Вот какое его дело? Ну и мальчик. То ли дело – деликатный Лёха...

Впрочем, я недооценила официанта. Он не только был мастером советов, но и на деле он тоже был хорош – кофе он принёс совсем не горячий, а скорее, так, комнатной температуры. Упрямый малый. Сказал, что не стоит пить горячий кофе в жару – значит, не надо, и всё тут.

Пришлось заставлять переделывать. От этого лицо офи-

цианта залоснилось ещё больше.

Стол был липким, официант недовольным, а кофе даже после замены – едва тёплым. Мне очень хотелось уйти, но что мне делать весь этот длинный день? И динозавр под стеклянным колпаком зашевелился, напоминая мне, что бывали случаи, когда рано уходить мне не следовало.

Я тогда уже жила одна, переехав в крошечную квартиру на окраине города – на большее не хватало денег. Я порядком запустила работу, все проекты, предложенные мной, отвергались заказчиками с первой же минуты. Но это можно было понять – сделанные буквально «на коленке», без огонька, без чёткого замысла проекты не могли понравиться никому. Переживая адски тяжелый разрыв с мужем, я не могла ни думать о работе, ни делать что-либо стоящее. Это была исключительно механическая работа – тут штришок, там два слова, здесь готовая конструкция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.